

ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ МИТРОПОЛИТ ПЕТР (ПОЛЯНСКИЙ) И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: причины конфликта в 1925 году

В условиях фактической нелегальности иерархии православной (патриаршей) Церкви в Советской России в 1920-е гг. сохранение преемственности высшей церковной власти было сопряжено со значительными трудностями. Несмотря на это, кончина Патриарха Тихона в апреле 1925 г. не повлекла дезорганизации высшего церковного управления. В соответствии с завещательным распоряжением почившего патриарха, в день его погребения собранием почти 60-ти архиереев (т.е. большинством из числа находившихся тогда на свободе) патриаршим местоблюстителем был утвержден митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Власть не использовала, как казалось, удобный момент для того, чтобы обезглавить и тем самым организационно ослабить патриаршую Церковь, хотя определенно видела в ней контрреволюционную силу¹. Однако, проуправляв Церковью всего 8 месяцев, митрополит Петр в декабре 1925 г. был арестован и более на свободу не вышел вплоть до своего расстрела в 1937 г. Почему в течение одного года власть первоначально допустила вступление митрополита Петра в должность патриаршего местоблюстителя, хотя и могла этому воспрепятствовать, а затем обошлась с ним гораздо более жестко, чем с его предшественником (патриарха Тихона, несмотря на все возникшие осложнения, советская власть «терпела» на свободе с момента его интронизации в декабре 1917 г. по май 1922 г. и с июня 1923 г. до дня его кончины). Следует заметить, что, если взаимоотношения патриарха Тихона и советской власти посвящено в последние годы уже несколько диссертаций и монографий², то деятельность его преемника до сих пор должным образом не исследована. Вообще публикаций о митрополите Петре пока еще очень немного, и в основном они имеют агиографический характер³. Главным источником сведений о взаимоотношениях митрополита Петра с властью в период управления им Русской Православной Церковью является его многотомное следственное дело 1925–1926 гг., материалы которого хотя уже и использовались исследователями (в первую очередь, иеромонахом Дамаскином Орловским), но еще далеко не в полной мере введены в научный оборот.

Особенностью положения митрополита Петра в последний год жизни Святейшего Тихона было то, что помимо ведения им, как патриаршим наместником, чисто церковных дел по управлению Московской епархией, патриархом на него еще была возложена обязанность быть посредником в отношениях с ОГПУ. По этому поводу митрополит Петр писал в январе 1926 г. Е.А. Тучкову – начальнику 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ: «Наши, напр[имер], с митрополитом Серафимом Тверским при Патриархе Тихоне частые посещения ГПУ истолковывались далеко не в нашу пользу, а м[итрополита] Серафима народная молва прозвала даже “Лубянским митрополитом”»⁴. Очевидно, в ходе этих визитов на Лубянку митрополитом Петром было продемонстрировано вполне лояльное отношение к власти (иначе он был бы удален из Москвы, так же как и предшествовавшие ему ближайшие помощники патриарха Тихона – архиепископы Никандр Феноменов и Илларион Троицкий). Это могло вселять в Тучкова надежду, что малоизвестный за пределами Москвы, рукоположенный во епископа только в 1920 г. и не имевший в церковных кругах того авторитета, который был у патриарха Тихона, Крутицкий митрополит вскоре попадет под его полное влияние и будет проводить нужную власти политику.

* Мазырин Александр Владимирович, священник, кандидат исторических наук, магистр богословия, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 07-01-00180а.

Однако в ОГПУ не исключали, что использовать митрополита Петра в своих интересах не удастся. На этот случай в отношении него велось 6-м отделением Секретного отдела одновременно целых две агентурных разработки. В списке этих разработок, поданном Тучковым начальнику СО ОГПУ Т.Д. Дерибасу 17 марта 1925 г., на первом месте значилась мифическая «Шпионская организация церковников», возглавляемая якобы патриархом Тихоном, митрополитом Петром и архиепископом Феодором (Поздеевским), на девятом – нелегальный «Совет благочинных г. Москвы» под руководством митрополита Петра (всего – 46 агентурных разработок)⁵. Вскоре после этого, 27 марта, Тучков в очередной записке о состоянии агентурных разработок о «группе правых церковников, подготовлявшейся к новому антисоветскому выступлению церкви на Вселенском соборе», уже писал: «Участники в ней – патриарх Тихон, митрополит Полянский Петр, профессор церковник Попов [...] и др. Группа приготовила ряд материалов для антисоветского выступления на предстоящем в мае месяце в Иерусалиме соборе. Имела отношения шпионского характера с АРА и с представителями Англии, которым передавала сведения о положении церкви в России, о репрессиях по отношению к духовенству, о состоянии религиозного фанатизма среди отсталых масс и т.д. В виду важности ударного характера группа ликвидирована. Следствие подтвердило все изложенное»⁶.

Из последних слов Тучкова вытекало, что следствие по делу «Шпионской организации церковников» к этому времени уже в основном завершилось (приговоры при этом еще вынесены не были). Патриарх Тихон также был привлечен к нему и 21 марта 1925 г. допрошен на Лубянке. Протокол допроса был приобщен к прежнему многолетнему следственному делу патриарха⁷. Следствие по делу архиепископа Феодора, периодически затухая, тянулось еще с апреля 1924 г.⁸ Отдельное дело было заведено на профессора И.В. Попова и остальных «шпионов». В этом деле, однако, не находится никаких следов того, что к нему был привлечен и подвергнут допросам митрополит Петр, хотя вопросы о нем следствием задавались⁹. Это кажется странным, поскольку в сводках Тучкова он фигурировал как второе (после патриарха) лицо в «ликвидированной шпионской группе».

В действительности, митрополит Петр тогда (весной–летом 1925 г.) также не избежал следствия и приговора. В составленном в мае 1926 г. обвинительном заключении по его следующему делу глухо сказано, что он был в 1925г. приговорен условно Особым Совещанием к 3-м годам высылки в Киркрай¹⁰ (Киргизский край был в том же году переименован в Казахстан). Очевидно, этот приговор и стал результатом «причастности» Крутицкого митрополита к мифической «Шпионской организации церковников». Сведения об этом условном приговоре не афишировались (современные историки на него тоже внимания не обратили), между тем факт его вынесения чрезвычайно важен для оценки того, в какой обстановке митрополит Петр воспринял в апреле 1925 г. высшую церковную власть.

Очевидно, власть (в лице ОГПУ) посчитала, что фактически подследственный митрополит Петр находится у нее «на коротком поводке», и поэтому решила в тот момент не препятствовать его вступлению в исполнение местоблюстительских обязанностей. Политбюро ЦК РКП(б), приняв 8 апреля 1925 г. постановление о порядке публикации сообщения о смерти патриарха, вопрос о его преемнике рассматривать не стало¹¹. 9 апреля митрополит Петр препроводил копию патриаршего акта о назначении его местоблюстителем председателю ЦИК СССР М.И. Калинину, известив последнего тем самым о принятии на себя управления Русской Православной Церковью. Записка митрополита Петра Калининым была принята к сведению и спущена вниз по советским инстанциям (главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК П.Г. Смидовичу и т.д.) без каких-либо практических последствий¹².

12 апреля в скорбно-торжественной обстановке митрополит Петр был утвержден в должности местоблюстителя съехавшимися в Москву православными архиереями, о чем был составлен соответствующий акт¹³. ОГПУ допустило это церковное торжество с тем, чтобы через 3 дня устроить новому местоблюстителю проверку на лояльность.

15 апреля 1925 г. в «Правде» и «Известиях» было опубликовано так называемое «Предсмертное завещание» патриарха Тихона, которое он, как сообщалось, подписал в самый день своей кончины, 7 апреля. «Завещание» намечало программу борьбы с «церковной контрреволюцией», как внутри страны («Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу первосвятительского служения нашего благословляем открыть действия особой при нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, и отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду Православного собора»), так и в отношении «бежавших за границу архипастырей и пастырей». При этом публикацию «Завещания» в «Известиях» предваряло сообщение, что его якобы в редакцию принесли с просьбой поместить в газете митрополиты Петр Крутицкий и Тихон Уральский¹⁴.

В задачу настоящего исследования не входит анализ степени подлинности «Предсмертного завещания» патриарха Тихона, на этот счет существует уже ряд специальных работ¹⁵. Фактом является то, что этот документ сразу же стал весьма пререкаемым в церковной среде. Власти было важно, чтобы митрополит Петр подтвердил официальную версию подписания его патриархом или, по крайней мере, не выступал с ее опровержением (хотя бы и в частном порядке). Протопресвитер Василий Виноградов, бывший член Московского епархиального совета при патриархе Тихоне, в своих воспоминаниях писал об этом: «И тут-то наступает для м[итрополита] Петра трагический момент. Тучков требует от него, как и от других членов Синода, согласия не отрицать подлинности напечатанного “послания”, угрожая иначе немедленным их арестом и полным разгромом Патриаршего Управления. Перед лицом этих угроз м[итрополит] Петр счел за лучшее уступить, а на вопросы о подлинности послания по большей части отмалчивался и только в редких и крайних случаях (подозревая провокацию) решался и положительно утверждать, что аки бы он сам послал “послание” в редакцию»¹⁶.

ОГПУ на первых порах могло быть довольно поведением митрополита Петра. В обзоре политического состояния СССР за апрель 1925 г. Лубянка сообщала Кремлю: «Самым крупным событием в церковной жизни за отчетный период является смерть Тихона. Большое разложение в тихоновщину внесло опубликованное завещание Тихона ввиду его советского характера. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр, бывший чиновник синода, не авторитетен как чересчур явный пьяница и развратник (последние клеветнические слова, по всей видимости, нужны были для того, чтобы наверху не подумали о промахе ОГПУ, допустившего сохранение в «тихоновщине» преемственности церковной власти. – А.М.). Монархическая часть епископата заняла выжидательную позицию, считая, что Петр должен был скрыть завещание Тихона, так как, будучи сам монархистом, не мог не понимать вреда его опубликования. Развал пошел вовсю»¹⁷.

Хотя свои достижения в деле «развала» Церкви ОГПУ явно преувеличивало, положение митрополита Петра, действительно, было крайне непростым. Ясно было, что вслед за требованием подтвердить подлинность «Завещания Тихона», власть потребует шагов по реальному проведению его в жизнь. Само по себе упорное именование властью пререкаемого патриаршего послания «Завещанием» подразумевало его обязательность для преемника почившего. На этот счет год спустя в обвинительном заключении по делу митрополита Петра было сказано: «Смерть Тихона, последовавшая вскоре после выпуска послания, пресекла для него возможность предпринять какие-либо практические шаги в области осуществления намеченных им мероприятий и вместе с тем придала посланию характер обязательного завещания, указывающего направление, по которому должна была пойти политика церкви по отношению к Соввласти, и которую предстояло проводить лицу, заменившему патриарха»¹⁸.

Местоблюститель стоял весной 1925 г. перед выбором: идти ли на дальнейшие уступки власти, что привело бы к сильным нестроениям в Церкви (тому самому

«развалу», который так хотело видеть ОГПУ), или встать на твердую позицию, что неминуемо повлекло бы его скорый арест. Митрополит Петр колебался. Отражением этих колебаний стала заметка «После смерти Тихона» из рубрики «Среди церковников», помещенная в «Известиях» 14 мая 1925 г. Из этой статьи следовало, что имела место беседа митрополита Петра с сотрудником газеты, который в связи с «Завещанием патриарха Тихона» спросил местоблюстителя: «Когда намерены вы осуществить чистку контрреволюционного состава духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями?». Именно этот вопрос, а не вопрос о подлинности «Завещания», был главным в тот момент. Практический ответ на него определял (по крайней мере, на ближайшую перспективу) развитие церковно-государственных отношений в целом и судьбу самого митрополита Петра, в частности. Согласно «Известиям», митрополит Петр ответил так: «Для меня, как местоблюстителя патриаршего престола, воля патриарха Тихона священна, но я один не правомочен провести в жизнь эти пункты завещания. Сейчас я занят конструированием организации церковного управления, после чего немедленно будет приступлено к выполнению этих заданий»¹⁹.

Иными словами, не отрекаясь открыто от «Предсмертного завещания», митрополит Петр проводить его в жизнь не спешил, пользуясь благовидным предлогом недостатка своих полномочий. Когда его спросили, «разделяет ли весь епископат точку зрения завещания патриарха?», местоблюститель, согласно интервью, сказал: «На этот вопрос затрудняюсь ответить положительно. Бесед по этому поводу я не имел»²⁰. Очевидно, что *весь* епископат солидарным с «Завещанием патриарха» заведомо быть не мог, и митрополит Петр это прекрасно понимал и учитывал при выборе дальнейшего пути.

Приговор профессору И.В. Попову по делу «Шпионской организации церковников» (3 года концлагеря) был вынесен только в середине июня 1925 г.²¹ Одновременно архиепископ Феодор (Поздеевский) был приговорен к 3-м годам ссылки в Киркрай²². Видимо, в это же время и митрополит Петр получил свой аналогичный (только условный) приговор. Период его колебаний заканчивался. Вскоре всем стало ясно, что по пути сомнительных компромиссов патриарший местоблюститель не пойдет.

Самоопределению митрополита Петра в значительной степени способствовала резко возросшая после кончины патриарха Тихона активность раскольников-обновленцев. Возникновение обновленческого раскола было инспирировано властью в 1922 г. с целью более эффективного подавления Православной Церкви путем разложения ее изнутри. В отличие от «тихоновских», обновленческие церковные управления имели легальный статус и вообще пользовались негласным покровительством власти (в обмен на сотрудничество с ОГПУ). Ведомая при содействии власти борьба с «тихоновщиной» была главным направлением деятельности обновленческого раскола с момента его возникновения, однако возобладать над патриаршей Церковью он так и не смог. Главной причиной неудачи обновленцев было отсутствие поддержки основной массы православных верующих. Это заставило раскольников сменить тактику и попытаться подчинить себе «староцерковников» под видом «примирения».

11 апреля 1925 г. обновленческий «Священный Синод» выпустил воззвание с призывом ко всем архиереям и пастырям «отложить пререкания, создавшиеся в связи с церковным разделением, и миролюбиво готовить свои паствы к предстоящему в скором времени Поместному собору, который мог бы внести в православную церковь умиротворение»²³. Примечательно, что обновленческое воззвание было сразу же опубликовано в «Известиях» (в том же номере, что и пререкаемое «Предсмертное завещание» патриарха Тихона)²⁴. Очевидно, что инициатива «Священного Синода» была согласована с ОГПУ, интересам которого вполне соответствовало подчинение «тихоновцев» обновленцам. Кроме того, объединение иерархии патриаршей Церкви с обновленцами привело бы к тому, что неприязнь к последним со стороны православных верующих распространилась бы и на нее. Тогда бы, действительно, «развал пошел вовсю».

Конечно, особые надежды обновленцы связывали лично с митрополитом Петром. Как и Тучков, они думали, что недостаточно известный и авторитетный в широких

церковных кругах патриарший местоблюститель будет более уступчив, чем почивший патриарх, и не устоит перед их натиском. Однако им пришлось сильно разочароваться на этот счет. Несколько месяцев митрополит Петр вообще никакого ответа обновленцам не давал и ни на какие контакты с ними не шел. Только в конце июля он согласился частным образом встретиться с представителем «Синода». Согласно обновленческому источнику, на предложение «образовать с той и другой стороны комиссию для выяснения всех вопросов, связанных с созывом Поместного собора и участием на нем представителей обоих течений», митрополит Петр ответил, что «он является только административным лицом, а не патриархом, и указанный вопрос может быть решен только после того или иного постановления проживающих в Москве епископов их ориентации, да не только проживающих в Москве, но и епископов, находящихся в ссылке и в заключении, для чего необходимо их освободить»²⁵. Близость обновленцев к ОГПУ была общеизвестна, и намек на необходимость оказать содействие освобождению осужденных был уместен, но в целом выдвинутое митрополитом Петром условие едва ли было выполнимым. В итоге переговоры зашли в тупик, по сути, еще и не начавшись.

Для оказания на местоблюстителя давления в нужном власти направлении помимо обновленцев использовались и отдельные представители патриаршей Церкви. Наиболее активным из них был епископ Можайский Борис (Рукин), отличавшийся особенной личной неприязнью к митрополиту Петру. ОГПУ решило использовать епископа Бориса в своих целях, предложив ему начать переговоры о легализации. О своих контактах с ОГПУ епископ Борис на допросе в ноябре 1925 г. рассказал следующее: «В мае м[еся]це [1925 г.] мне было предложено неким Полянским образовать инициативную группу “Защиты православия” и подать соответствующее ходатайство во ВЦИК». Однофамилец митрополита Петра, Иван Васильевич Полянский, был вторым после Тучкова человеком в 6-м отделении СО ОГПУ. Тут епископ Борис несколько исказил предложение Полянского и был сразу же поправлен следователем: имелась в виду не просто «Защита православия», а «Защита православия от политиканства» (под этим подразумевалось намеченное в «Предсмертном завещании» осуждение тех, кто, «злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству», т.е. тех священнослужителей, «кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью»). «С ходатайством, – продолжал епископ Борис, – легализовать эту группу с разрешением церкви существовать на началах соборности, свободы и полного устранения политического предпочтения».

Далее епископ Борис показывал, что направил И.В. Полянского к митрополиту Петру: «Со своей стороны, я просил, чтобы митрополит обратил очень серьезное внимание на положение церкви и именно на это дело, тем более что оно было чревато большими положительными последствиями для нашей православной церкви. Полянскому я прямо сказал, что без большинства епископов при всем сочувствии этому делу – начать его я не могу. Митрополит решительно отклонился принять какое бы то ни было участие в этом деле. ... Обо мне уже пошли по городу слухи, что я красный, что внушаю разделение, что я образу какую-то свою церковь. ... Выступление против меня было настолько решительно, что я должен был прекратить вскоре всякие разговоры по указанному вопросу»²⁶. Неприятие Церковью инициатив епископа Бориса весьма показательны. Со времен возникновения обновленчества «красное» духовенство доверие в широких церковных кругах не пользовалось. Митрополит Петр понимал, что если он пойдет на поводу у епископа Бориса, а тем более, у обновленцев, то вскоре тоже окажется без паствы.

28 июля 1925 г. митрополит Петр подписал свой главный документ в качестве местоблюстителя – послание к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви. Об отношении к власти в нем было сказано вскользь одной строкой в призыве жить, «являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими».

Примечательно, что пресловутое «Предсмертное завещание патриарха Тихона» в этом послании вообще никак не фигурировало. Главным же содержанием послания местоблюстителя стал совершенно недвусмысленный ответ на «миролюбивый» призыв обновленцев к объединению. «Не о соединении с православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях», – писал митрополит Петр, бросая вызов не только обновленцам, но и власти, которая за ними стояла²⁷.

Спустя два месяца последовал характерный для обновленцев ответ. Объявленный ими «Поместный собор» не стал объединительным, но все-таки состоялся. В день его открытия, 1 октября 1925 г., в «Известиях» в рубрике «Среди церковников» на основании «беседы с членами синода» был анонсирован готовящийся политический донос на митрополита Петра: «Синод не доверяет тихоновщине, имеет в своих руках факты, которые доказывают примесь политического момента в работе тихоновщины. Несмотря на завещание Тихона, тихоновщина не выявила свою политическую физиономию и еще до сих пор не организовала комиссию для производства следствия над зарубежными монархически настроенными архиереями. Верхушка тихоновщины не только не ослабляет своей политической деятельности, а занимается особенным разжиганием масс»²⁸.

Центральным событием обновленческого собора стал доклад «митрополита-благовестника» Александра Введенского, в котором обнародовались эти самые «факты» связи «верхушки тихоновщины» (самого почившего патриарха и митрополита Петра) с «зарубежной контрреволюцией». «Оказывается, что тихоновский корабль плывет в международных водах, – заявил Введенский, – и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или “на Крутицах”. Во всяком случае, связь между тем и другим очевидна»²⁹. Из доклада «митрополита-благовестника» следовало, что патриарх Тихон при участии митрополита Петра тайно руководил русскими зарубежными монархистами, указывая им, кого из великих князей (Кирилла Владимировича или Николая Николаевича) считать главой Российского Императорского дома. «Доказательства», представленные Введенским, были сфальсифицированы настолько грубо, что не оставалось сомнений в том, что имеет место явная провокация, направленная не столько против почившего уже патриарха, сколько против митрополита Петра, вставшего поперек дороги и власти, и обновленцам.

Тем временем, свою деятельность против местоблюстителя продолжал развивать и епископ Борис (Рукин), который, оправившись от своей летней неудачи, осенью 1925 г., согласно его собственным показаниям, «снова начал открытые переговоры с Полянским о возможности осуществления легализации на законных началах и снова обратился уже в более решительной форме к митрополиту Петру»³⁰. К тому времени ОГПУ усилило позиции епископа Бориса, склонив присоединиться к нему вернувшегося из ссылки архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского).

11 ноября 1925 г. Антираелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) приняла весьма важное постановление: «а) поручить Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев; б) в целях разоблачения монархических стремлений Петра, местоблюстителя патриаршества, поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора; ... д) одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»³¹.

Во исполнение пункта «а» этого постановления в ОГПУ был вызван епископ Борис (Рукин), где ему было сказано: «Нам придется сейчас разговаривать одновременно о том, что мы сейчас делаем в смысле уничтожения всякой контрреволюции и уголовщины, и вам, может быть, придется более интенсивно заняться осуществлением плана переустройства церкви»³². Епископ Борис от предложенной ему роли «переустроителя» Церкви не отказался и заметно «интенсифицировал» свою деятельность. Первым делом им были даны Тучкову весьма пространные показания против митрополита Петра и близких ему лиц³³. Они послужили своего рода исходным материалом для

развертывания следствия, что было исполнением пункта «д» постановления АРК. С 18 ноября 1925 г. начались аресты привлекаемых к следствию служителей Церкви, хотя сам митрополит Петр еще оставался на свободе.

Весьма оперативно был проведен в жизнь и пункт «б»: уже 15 ноября в «Известиях» появилась «компрометирующая Петра» статья за подписью некоего Теляковского (судя по всему, это псевдоним самого Тучкова, родившегося в с. Теляково). «Церковники, которые поумнее, – говорилось в ней об обновленцах, – уверяют, что Петр Крутицкий до сих пор с упованием взирает на ту белую эмиграцию, которая в свое время смастерила Карловицкий собор. Они говорят, что Петр Крутицкий хочет опираться на эту заграничную банду и хочет завоевать ее доверие и поддержку. ... В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь»³⁴.

Митрополиту Петру, как следовало из этой статьи, давался «последний шанс». Весьма осведомленный современник митрополита Петра Г.А. Косткевич писал: «Пред лицом уже прямой и для всех очевидной угрозы ареста – Тучков от имени правительства начал вести с м[итрополитом] Петром переговоры о “легализации”. ... Эта “легализация” обещала облегчить бесправное положение Церкви, но требовала принятия митрополитом Петром ряда условий – как-то: 1) издания декларации определенного содержания, 2) исключения из ряда управляющих – неугодных власти епископов, т.е. устранения их от церк[овной] жизни, 3) осуждения заграничных епископов и 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с правительством в лице Тучкова. За это обещалось официальное оформление управлений и неприкосновенность тех епископов, кои будут назначены на епархии по соглашению с властью»³⁵. Из обвинительного заключения по делу митрополита Петра видно, что ОГПУ, действительно, именно в таком ключе готово было решить проблему церковной легализации. «Для нее, – писал о патриаршей Церкви уполномоченный 6-го отделения А.В. Казанский, проводивший следствие по делу митрополита Петра, – вопрос о легализации означает в первую голову раскол на непримиримую (эмигрантскую) и на “лояльную” части, причем вполне естественно, что второй придется очень энергично отмежеваться от первой, закрепив это отмежевание каким-либо серьезным актом, вроде выдвигавшегося некоторыми церковными деятелями осуждения заграничников за их контрреволюционную деятельность»³⁶. Если бы патриарший местоближатель пошел на «осуждение заграничников», то выдвинутые против него Введенским обвинения повисли бы в воздухе.

Образцом «правильного» поведения в отношении эмигрировавшего духовенства выступали все те же обновленцы. 21 ноября 1925 г. в «Известиях» было опубликовано заявление обновленческого «Священного Синода», в котором говорилось, что он «требует от всех заграничных священников и церковнослужителей немедленного заявления через генеральные консульства СССР о том, что они признают политическую власть советского правительства и церковную власть св. синода. При этом они должны представлять подробный отчет их деятельности за годы с начала русской революции»³⁷. Однако митрополит Петр не только не потребовал от «заграничников» признания советской власти и не стал карать ее не признавших, но не пошел даже на то, чтобы формально уволить с Киевской кафедры их главу, митрополита Антония (Храповицкого), хотя тот уже более 5-ти лет в Киеве не был, а в наличии был другой кандидат на возглавление Украинской Православной Церкви – митрополит Михаил (Ермаков), считавший себя имеющим все права на звание митрополита Киевского и Галицкого. Митрополит Петр по совету сосланных в Москву православных украинских епископов притязания митрополита Михаила на Киевскую кафедру отверг, что было расценено властью как действие в пользу митрополита Антония, т.е. как явная поддержка «контрреволюции»³⁸.

Вскоре после публикации в «Известиях» статьи Теляковского архиепископ Григорий (Яцковский), епископ Борис (Рукин) и еще один архиерей посетили митрополита

Петра и предложили ему «реабилитировать себя, ответить на эти (обновленческие. – *А.М.*) обвинения, собрать православных архиереев, находящихся в Москве, и обсудить положение церковных дел». Об обстоятельствах этого визита от лица архиепископа Григория было рассказано в очередной известинской статье из рубрики «Среди церковников»: «Митрополит Петр отклонил это предложение и сказал, что в конце концов сам отвечает за церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже повредит ему. ... В заключении последний обещал составить декларацию и сообщить ее епископам»³⁹.

В последние недели перед арестом митрополит Петр действительно был занят подготовкой обращения к СНК. Однако эта декларация была совсем не такой, какую ждал от него Тучков. «Я, – писал митрополит Петр, – обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной законности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений. ... В целях практического осуществления этого принципа, я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве (без права выезда. – *А.М.*) архиереев вернуть на места». Митрополит Петр также ходатайствовал «о смягчении участи административно наказанных духовных лиц» и настоятельно просил власть «о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку»⁴⁰. Конечно, уже сам тон такого обращения местоблюстителя был для власти совершенно неприемлемым.

9 декабря, когда уже всюю шли допросы лиц, арестованных по делу митрополита Петра (в основном, их допрашивали в тот момент об обстоятельствах неувольнения митрополита Антония с Киевской кафедры), состоялось очередное заседание Антирелигиозной комиссии, которая заслушав доклад «о предполагаемом аресте Петра», постановила: «Считать возможным, ввиду проводимой им явно враждебной Соввласти политики и имеющихся против него конкретных обвинительных материалов»⁴¹.

Вечером того же дня митрополит Петр был арестован. Об этом и о подготовленной им декларации (которую местоблюститель так и не успел подать в Совнарком) ОГПУ доложило советскому руководству в обзоре политического состояния СССР в декабре 1925 г.: «Вокруг Петра сплывались и объединялись все черносотенные и реакционные элементы, толкавшие его на путь обострения взаимоотношений церкви и государства. Готовились выпустить декларацию – обращение к правительству о тяжелом положении духовенства в СССР. Это повлекло за собой аресты наиболее активных из них во главе с митрополитом Петром»⁴². Согласно обвинительному заключению по делу митрополита Петра, его «преступная деятельность» заключалась прежде всего в том, что он, «подчинившись руководству монархистов, деятельность свою по управлению церковью вел по их указке и распоряжениям, стараясь перевести церковь на положение нелегальной анти[советской] организации, ... подготовил провокационную анти[советского] характера декларацию в Совнарком»⁴³.

В действительности, как видно из текста проекта декларации митрополита Петра, ее цель была противоположной: перевести Церковь на положение именно легальной организации, причем вовсе не антисоветской (но и не просоветской). Однако власть (в лице ОГПУ) и Церковь (в лице митрополита Петра и его единомышленников) совершенно по-разному видели причины церковной нелегальности и пути разрешения этой проблемы. Патриарший местоблюститель фактически предлагал власти немедленно и безоговорочно повсеместно зарегистрировать «староцерковные» органы управления. ОГПУ же соглашалось только на такую легализацию Церкви, которая для нее «означает в первую голову раскол». Все попытки церковного руководства решить вопрос в ином ключе заведомо отвергались. «Она, – говорились о декларации митрополита Петра в обвинительном заключении, – явилась следствием нажима умеренных церковников, требовавших легализации, а так как легализоваться Петр по приведенным выше

причинам не мог, то он и решил обратиться с резким требованием, содержащим даже скрытые угрозы, в Совнарком, так как неуспех был заранее обеспечен, как ее содержанием, так и резким тоном»⁴⁴.

Следствие по делу митрополита Петра тянулось почти год и только 5 ноября 1926 г. был вынесен приговор: «Гр[ажданина] Полянского Петра Федоровича выслать через ПП ОГПУ по 62 ст. УК на Урал сроком на три года»⁴⁵. Местом ссылки патриаршего местоблюстителя был определен сначала бывший Абалацкий монастырь близ Тобольска, а затем (с лета 1927 г.) приполярный ненецкий поселок Хэ на берегу Обской губы. В мае 1928 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ срок ссылки митрополита Петра был продлен еще на 2 года⁴⁶. Затем в августе 1930 г. он был вновь арестован (в ссылке) и далее содержался в одиночных камерах Свердловской и Верхнеуральской тюрем, получив в июле 1931 г. новый 5-летний срок, который по истечении был продлен еще на 3 года⁴⁷. Условия содержания патриаршего местоблюстителя в тюрьме были такими, что он годами не видел солнца⁴⁸. В ответ на последнее объявление о продлении срока митрополит Петр сказал: «А все-таки я теперь не умру». Тюремное начальство интерпретировало эти слова так, что «заклученный № 114» (по имени местоблюститель уже не назывался) «борьбу с Советской Властью считает бесконечной»⁴⁹. Наконец, в период ежовского «Большого террора», митрополит Петр был приговорен к высшей мере наказания и 10 октября 1937 г. расстрелян⁵⁰.

Вероятно, ни одному другому иерарху Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. не довелось претерпеть столько страданий, сколько священномученику митрополиту Петру. Столь драматично судьба патриаршего местоблюстителя сложилась по той причине, что в 1925 г. власть сильно обманулась в своих надеждах полностью подчинить его себе и превратить в инструмент проведения политики, направленной, в конечном счете, на ликвидацию Церкви в СССР. Митрополит Петр последовательно отверг навязываемые ему властью шаги: примирение с обновленцами, осуждение русских зарубежных иерархов, подчинение внутренней кадровой политики Церкви негласному контролю ОГПУ, издание просоветской декларации. Власть рассчитывала, что действия митрополита Петра приведут к «развалу» Церкви, а он вместо этого стал таким же символом единства православных, каким до него был патриарх Тихон. Митрополит Петр в определенной степени даже превзошел его своей твердостью в отстаивании достоинства Церкви. Иного ответа на это, как грубое насилие и невероятная жестокость, власть не нашла.

Примечания

¹ В феврале 1925 г. ОГПУ докладывало партийно-советскому руководству, что «в настоящее время тихоновщина – наиболее сильная и многочисленная из оставшихся в СССР антисоветских группировок». См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. М., 2001. С. 413.

² Сафонов Д.В. Патриарх Тихон и Советская власть: К проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; Лобанов В.В. Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008; Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999; Одинцов М.И. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М., 1999.

³ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 341–369; Неколебимый камень Церкви: патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский), священномученик, на фоне русской церковной истории XX века. СПб., 1998.

⁴ ЦА ФСБ РФ, д. н-3677, т. 4, л. 121 об.

⁵ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 164–167.

⁶ Цит. по: Сафонов Д.В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сб. 6. М., 2005. С. 239.

⁷ См.: Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 399–401.

⁸ Архиепископ Феодор был арестован 16 апреля 1924 г., затем по постановлению от 16 октября был освобожден под подписку о невыезде без прекращения дела, но 15 декабря того же года был вновь арестован и уже не освобождался (см.: ЦА ФСБ РФ, д.р-30673, л. 6, 31, 41).

⁹ См.: ЦА ФСБ РФ, д.р-40838, л. 17 об.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ, д. н-3677, т. 5, л. 231.

¹¹ См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. Новосибирск; М., 1998. С. 297–299.

¹² Там же. Кн. 2. Новосибирск; М., 1998. С. 454.

¹³ См.: Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 413–417.

¹⁴ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

¹⁵ Д.В. Сафонов, рассмотрев различные содержащиеся в следственном деле патриарха Тихона редакции «Завещания» и сопоставив их с «Декларацией» митрополита Сергия 1927 г. и другими документами, пришел к выводу, что «так называемое “Завещательное послание” патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г. не было подписано патриархом и не может быть признано подлинным, хотя при его составлении и был использован патриарший вариант текста» (Сафонов Д.В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. патриарха Тихона // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2004. № 4. С. 297). Вывод Сафонова попытался опровергнуть В.В. Лобанов, однако его аргументация построена не столько на новых документах, сколько на повторении прежних доводов сторонников подлинности «Завещания». См.: Лобанов В.В. Указ. соч. С. 173–182.

¹⁶ Виноградов В.П., протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.): По личным воспоминаниям. (К 50-летию церковной и научной деятельности автора). Мюнхен, 1959. С. 52.

¹⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 245.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ, д. н-3677, т. 5, л. 235.

¹⁹ Известия ЦИК. 1925. 14 мая.

²⁰ Там же.

²¹ ЦА ФСБ РФ, д. р-40838, л. 50.

²² Там же, д.р-30673, л. 55.

²³ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 2.

²⁴ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

²⁵ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7(3). С. 5.

²⁶ ЦА ФСБ РФ, д.н-3677, т. 4, л. 24 об.

²⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 420.

²⁸ Наши беседы. Среди церковников: Накануне собора. (Из беседы с членами синода) // Известия ЦИК. 1925. 1 октября.

²⁹ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 10.

³⁰ ЦА ФСБ РФ, д. н-3677, т. 4, л. 24 об.

³¹ Цит. по.: Нежный А.И. Комиссар дьявола. М., 1993. С. 68, 96.

³² ЦА ФСБ РФ, д.н-3677, т. 4, л. 38.

³³ Там же, л. 24–42.

³⁴ Теляковский. Среди церковников // Известия ЦИК. 1925. 15 ноября.

³⁵ [Косткевич Г.А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 106–107.

³⁶ ЦА ФСБ РФ, д. н-3677, т. 5, л. 247–248.

³⁷ Св. синод и заграничное духовенство // Известия ЦИК. 1925. 21 ноября.

³⁸ См.: Мазырин А., иер. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 118–131.

³⁹ Известия ЦИК. 1926. 7 января.

⁴⁰ Цит. по: Дамаскин (Орловский), иером. Указ. соч. С. 474–475.

⁴¹ Цит. по: Нежный А.И. Указ. соч. С. 97.

⁴² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. М., 2002. С. 724.

⁴³ ЦА ФСБ РФ, д.н-3677, т. 5, л. 256.

⁴⁴ Там же, л. 251.

⁴⁵ Там же, л. 258.

⁴⁶ Архив УФСБ РФ по Тюменской обл., д. 1740, л. 60–60 об.

⁴⁷ Там же, л. 47, 54.

⁴⁸ См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. С. 366–368.

⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Челябинской обл., д.П-16935, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, л. 5.

© 2010 г. И. А. КУРЛЯНДСКИЙ*

СТАЛИН И «ИНТЕРВЬЮ» МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ СОВЕТСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ В 1930 году

Переход к политике сплошной коллективизации и ликвидации кулачества сопровождался, с санкции руководства страны, новым наступлением на религию и Церковь в СССР, массовым разрушением храмов, жестокими репрессиями против духовенства и верующих. Громкий резонанс вызвало осуждение в феврале 1930 г. антихристианских гонений в СССР папой Римским Пием XI, архиепископом Кентерберийским и рядом международных христианских организаций¹. Советские власти расценили эти заявления как клевету и вмешательство во внутренние дела страны. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому 20 февраля 1930 г., в интервью корреспонденту «Правды» факты гонений официально опроверг председатель СНК СССР А.И. Рыков². С резким и демагогическим памфлетом в «Правде» 7 марта 1930 г. выступил Н.И. Бухарин³.

С соответствующим воззванием собирався выступить и Союз воинствующих безбожников СССР. Однако данная инициатива не была одобрена Сталиным (видимо, уловившим противоречие между провозглашением религии «орудием заговора» и категорическим отрицанием какой бы то ни было борьбы с ней), несмотря на обращение председателя Союза Е.М. Ярославского к членам Политбюро с просьбой «срочно просмотреть и разрешить публиковать». В подготовленном проекте обращения безбожников говорилось: «Травля СССР религиозными организациями всех стран вызвана ужасом перед раскулачиванием... Религия является орудием контрреволюционных замыслов империализма, орудием его военных заговоров против СССР». В заключении содержался призыв: «Добьемся того, чтоб поголовно все трудящиеся поняли контрреволюционную сущность религии и с презрением отбросили от себя религиозные предрассудки»⁴.

Одновременно были организованы демонстрации трудящихся по поводу готовящегося Ватиканом «крестового похода», инспирированы отклики представителей различных конфессий внутри страны. Так, сотрудники ОГПУ шантажом и угрозами вынудили генерального vicария Минска и Могилева ксендза Авгло дать «представителям советской печати» интервью о положении католиков в СССР, в котором отрицались какие-либо гонения за веру⁵. Сам Авгло впоследствии, раскаиваясь, сообщал в Рим о появлении своего «интервью»: «15 марта ко мне пришел начальник минского ГПУ в сопровождении трех представителей прессы. Я только что совершил долгую службу и чувствовал себя очень уставым. Чередуя обещания с угрозами, они пытались меня на протяжении нескольких часов. Я перестал отдавать себе отчет в своих действиях и

* Курляндский Игорь Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.